



рассказы

*Людмила
Уланова*

Однажды у нас в Австралии

МНЕ очень повезло. Наш дом стоит в самом лучшем месте – около зоопарка. Даже дорогу переходить не надо, поэтому я могу ходить туда одна. У меня там знакомых целый миллион: и попугаи, и научные сотрудники, и верблюды, и ящерицы, и тётеньки, которые зверей кормят, и еноты, и бегемоты, и директор зоопарка дядя Костя.

А недавно появился новый друг – кенгуру. Хотя, вообще-то, он не кенгуру, а болотный валлаби из семейства кенгуровых. Он мне сам это сказал. Я сразу представила себе большое кенгуровое семейство: бабушек, дедушек, двоюродных братьев, троюродных племянников. И все прыгают, прыгают! А в сумках у мам сидят маленькие кенгурятки... ну и валлабятки тоже сидят. В Австралии почти у всех зверей сумки есть.

Посетители зоопарка считают, что Вася самый настоящий кенгуру, а на табличку особого внимания не обраща-

ют. А если кто-то и прочтёт слово «валлаби», сразу начинает смеяться:

– Васabi! Васabi!

Зелёную японскую приправу васabi куча народу знает, а коричневого австралийского зверя валлаби – никто. Несправедливо! Ему даже дали имя Васabi. Но называют просто Васей.

Валлаби всегда замечает меня издали и следит, чтобы я ненароком не свернула куда-нибудь к ламам или к фламинго. Я знаю, что он приготовил очередную историю и ждёт не дожждётся, когда я подойду к его вольеру. Все они начинают одинаково.

– Однажды у нас в Австралии, – говорит Вася, – была всемирная медвежья конференция. Съехались отовсюду разные медведи: и бурые, и чёрные, и белые, и чёрно-белые... Для обмена опытом.

– Вась, ты ничего не путаешь? Чёрно-белые бывают фотографии. Фильмы

ещё. Особенно старые. Но не медведи же!

– Лёлька, ты что, панд никогда не видела?

– А, это панды! Так бы и сказал. Видела, конечно. На картинках и по телевизору. Ага, и что дальше?

– Принимал гостей сумчатый медведь коала. Вот как раз с пандой он лучше всего общий язык нашёл. Коала подарил панде свой трактат «Как всю жизнь питаться листьями эвкалипта и не отравиться», а панда коале – свою книгу «Как всю жизнь питаться побегами бамбука и не сойти с ума».

– А чем они там ещё занимались, на этой конференции?

– Ну что обычно на конференциях бывает!

– Не знаю... я пока ни на одной не была.

– Бурый медведь прочёл доклад «Образ Винни-Пуха в трудах средневековых учёных». Очковый медведь провёл семинар по правильному подбору очков. Белый сделал сообщение на тему «Как отличить Северный полюс от Южного».

– Так на Южном ведь белые медведи не водятся!

– Вот, правильно! Именно так и надо отличать: если есть белые медведи, значит, полюс Северный, а если нет, значит, Южный. Ну, в общем, хорошо конференция прошла, душевно. А на память об Австралии всем участникам сумки выдали. Так что теперь и сумчатые панды есть, и сумчатые гималайские медведи, и сумчатые гризли.

Иногда мне кажется, что Вася говорит странные вещи. Но как можно ему не верить? Ведь он самый настоящий австралиец, ему лучше знать. И потом, он так интересно рассказывает! Я прихожу к нему снова и снова и слушаю:

– Однажды у нас в Австралии случилось горе.

– Ой, а что такое?!

– Вымер сумчатый волк. А всё почему? Потому что ехидна замучила его своим ехидством. А кукабарра всё

время смеялась над ним. Даже не смеялась, а хохотала.

Кто такая ехидна, я знаю. Это такое сумчатое животное, немного похожее на ёжика. Вид у неё, конечно, необычный, но совсем не ехидный. И потом, она же маленькая... Как она не боялась волка обижать? Ну а про кукабарру я и не слышала никогда, поэтому Васю спросила.

– Это птица такая австралийская. Хохочет настоящим человеческим смехом. А насмешками можно кого угодно довести! Вот он и не выдержал... волк наш... сумчатый... чувствительный... ранимый... вы-ы-ымер...

Валлаби так горько зарыдал, что я с трудом его успокоила. Больше он в этот день ничего не рассказывал. Зато, когда я пришла в следующий раз, Вася как ни в чём не бывало продолжил свою бесконечную повесть:

– Однажды у нас в Австралии решили навести порядок с сумками.

– Как это – с сумками? Может, в сумках?

Тут Вася почему-то начал хохотать. Как эта, кукабура, или как её? Которая волка довела.

– Ой, не могу! Порядок в сумках! Лёлька, ты сама-то понимаешь, что говоришь?

– А что я такого сказала?

– Так ведь в сумках-то кто? В сумках – дети! А какой может быть порядок там, где дети?! У тебя часто в комнате порядок бывает?

– Ну-у-у... – Я вспомнила игрушки, которые уже три дня обещала маме собрать с пола, и повторила: – Ну-у-у...

– Вот тебе и ну! Так что порядок в сумках наводить бесполезно. А с самими сумками решили разобраться. У нас ведь сумчатых пруд пруди: и кроты, и куницы, и медведи, и муравьеды, и крысы. Да кого только нет! И все разные, и сумки у них разные – по размеру, по форме. Так разве правильно их одинаково называть? Взять, к примеру, родственника моего, рыжего кенгуру, – он знаешь какой огромный? Ух! И какую-нибудь мышшь сумчатую, которую и не разглядишь без очков.

– Да откуда у вас очки...
– Плохо ты меня слушала! Очки нам очковый медведь подобрал, когда на конференцию приезжал. Ну да не о том речь. В общем, разделили всех сумчатых на чемоданчатых, портфельчатых, рюкзакачатых, корзинчатых, пакетчатых и так далее. А мелочь эту, которая под ногами путается, в карманчатые и кошельчатые определили.

– И к какой группе теперь болотные валлаби относятся?

– Мы как были сумчатые, так и остались. У нас-то сумки образцовые, зачем нас переименовывать? А, да ты ж не видела! Вот скоро ко мне подруга должна прибыть, Константин Прометеевич обещал. Тогда и посмотришь, какие у валлаби идеально-красивые сумки. Ох, волнуюсь я... понравлюсь ли девушке? Лёлька, скажи, я хорошо выгляжу?

– Ты самый красивый валлаби из всех, которых я видела!

– Слушай, у тебя зеркальце есть?

– Нет.

– Ну вот... а расчёска?

– Тоже нет!

– А пилочка для когтей?

– Да откуда!

– Что ж ты за девочка такая, ничего у тебя нет!

Вот ведь глупости какие! Может, мне ещё мыло с мочалкой с собой носить? Я решила, что пора от Васи уходить, пока он ещё какую-нибудь ерунду не потребовал. Кто знает, что ему понадобится: пудра, ножницы, шампунь? Я быстро попрощалась и побежала в оранжерею – навестить огуречного слоника и чайных жучков.

Через несколько дней я снова пришла к Васиному вольеру, он радостно замахал мне лапой, подпрыгал поближе и тут же заговорил:

– Однажды у нас в Австралии птицы устроили собрание.

– Это как медвежья конференция?

– Нет, конференция была научная. И международная. А тут встретились птицы Австралии: буревестники, фрегаты, пингвины, бакланы, цапли, коршуны, чибисы, утки, какаду... Да всех не перечис-

лишь, у нас птиц много! И не для обмена опытом собрались, а для решения деловых вопросов. Точнее, одного вопроса: исключения эму из страусов.

Вася посмотрел на моё удивлённое лицо, на котором большими буквами было написано, что я ничегошеньки не понимаю. И стал объяснять:

– Эму – это такая австралийская птица. Большая. Нелетающая.

– Да знаю я! У нас же в зоопарке четыре эму. Я про исключение не поняла.

– А что тут понимать? Эму раньше считался страусообразным. А тут решили его из страусов выгнать. За плохое поведение. Слово взял утконос и от имени всех уток произнёс обвинительную речь.

– Что же эму такого ужасного сделал?

– Да он...

Но что натворил бывший страус, я так и не узнала. Вася вдруг запнулся на полуслове, посмотрел куда-то за мою спину и сладким-сладким голосом произнёс:

– Здравствуйте, Константин Прометеевич! Как поживаете?

Я обернулась и увидела директора дядю Костю, которой стоял и слушал нашу беседу. Он подошёл поближе.

– Здравствуй, Васенька, отлично поживаю. Не возражаешь, если я у тебя Лёлю украду? Мне ведь тоже хочется с ней поболтать.

Кажется, Вася был не очень доволен. Но ведь действительно – дяде Косте тоже хочется со мной поговорить! Да и мне с ним.

Мы пришли в маленький директорский кабинет, дядя Костя поставил чайник и высыпал на стол горсть конфет.

– Угощайся!

Я взяла одну.

– Ой, какая вкусная! Откуда у вас такие?

– Да от Фроси. Она, умница, то, что ей кидают, собирает и мне или другим сотрудникам отдаёт. Удивительно мудрое существо. В отличие от некоторых... – Дядя Костя помрачнел. – Целые воз-



звания пишем на табличках – всё без толку!

Наверное, посторонний человек ничего бы из его слов не понял. Но я-то в зоопарке не посторонняя! И отлично знаю: директор очень переживает, что посетители кормят животных всякой вредной пищей. На каждом вольере висят таблички, на которых написано, как это опасно, но то ли никто не читает, то ли людям кажется, что всё это ерунда.

А Фрося – это шимпанзе Афродита. Она, и правда, умная. И очень красивая!

Дядя Костя разлил чай по чашкам, сел напротив меня и сказал:

– Лёля, я хочу с тобой о Васе поговорить. Он ведь тебе много чего рассказывает, я правильно понял?

– Да, про Австралию! Так интересно!

– Ага... Ну я так и думал...

Дядя Костя взял со стола конфету и, не развернув её, попытался откусить. Потом всё-таки развёрнул, но фантик бросил в чай. Удивлённо посмотрел на него, выловил ложечкой и стал крутить в руках.

– Понимаешь, Лёля... Это, конечно, замечательно, что вы подружились. Я и сам Васеньку очень люблю. Но всё-таки я должен тебе кое-что сказать... В общем, наш Вася никогда не был в Австралии.

– Как никогда не был?!

– Да вот так... – директор развёл руками и уронил фантик на пол. – Он родился в зоопарке. Не в нашем, в другом. Нам его оттуда привезли.

– Ой... А может, ему мама с папой про родную страну рассказывали?

– Так ведь и родители его тоже в зоопарке родились и Австралии не видели. Лёля, я тебя попросить хочу: перескажи, пожалуйста, всё, что Вася наговорил.

– А зачем? Вы его ругать будете?

– Да что ты! Не буду, не бойся. Просто я краем уха услышал, что он плетёт. И не хочу, чтобы у тебя в голове вся эта путаница осталась. Тут ведь такая штука: что в детстве запомнишь, то тебе и будет казаться правильным. Признаюсь: я много лет был уверен, что на одном крошечном остро-

ве в Тихом океане живут летающие крокодилы.

– А их там на самом деле нет? – на всякий случай уточнила я.

– Да конечно, нет! Но мне в детстве рассказал про них двоюродный брат, который был намного старше меня и очень много знал. Я ему сразу поверил. Тем более что он спросил: «А откуда, ты думаешь, взялись легенды о драконах? Вот то-то!» Трудно представить, но по-настоящему я перестал верить в летающих крокодилов, когда уже был студентом. Между прочим, биологического факультета!

– А может быть, они всё-таки...

– Ну вот! – расстроился дядя Костя. – Ещё не хватало, чтобы и ты в них теперь поверила! И вообще, давай вернёмся к нашим баранам. То есть к нашему валлаби.

Тут я высыпала на директора зоопарка всё, что мне успел за эти дни сообщить Вася. Ничего не забыла!

– Ага, ну давай разбираться, что тут правда, что выдумка.

– Мне кажется, про птиц Вася чепухи наговорил. Вот пингины – они же не в Австралии живут, а в Антарктиде, правда? А фрегат – это вообще не птица, а корабль.

– Ты знаешь, как раз тут Вася ничего не напутал. И птица фрегат есть, и пингины в Австралии водятся. Да-да! Они, между прочим, и в Южной Африке, и в Южной Америке есть. А вот по какому праву утконос от имени уток выступал, непонятно! Утконос, конечно, не утка и вообще не птица, хоть и клюв есть, и детёныши из яиц выводятся. Такой уж удивительный зверь! Сумчатый, как и многие другие австралийские животные.

– А может, он пакетчатый или рюкзакчатый?

– Сумчатые – они и есть сумчатые, а всё остальное наш Васяби выдумал. И приедем медведям никто, конечно, сумок не раздавал, так что не рассчитывай увидеть сумчатого бурого мишку. Да и зачем коале проводить медвежьё конференцию? Его хоть и называют

сумчатым медведем, на самом деле он медведям вовсе и не родственник.

Я так заслушалась, что незаметно съела все конфеты, а про чай совсем забыла. Если бы мама или бабушка это видели, они бы в следующий раз на меня табличку повесили «Лёльку конфетами не кормить!»

– И сумчатый волк не вымер? – радостно спросила я.

За волка я уже несколько дней переживала.

– Волк, к сожалению, всё-таки вымер. И ведь не так давно, меньше ста лет назад. Даже фотографии остались и кинозапись. Вот, посмотри.

Дядя Костя показал мне в интернете зверя с полосками на спине, не так уж и похожего на волка. И было грустно думать, что ещё недавно жил он в своей Австралии, а вот теперь его нет – нигде. Просто не существует. Почему-то про динозавров думать не так грустно, хотя и за них мне тоже обидно.

– А от чего он вымер, дядя Костя?

– И человек его истреблял, и болезнь, завезённая в Австралию, оказалась для него слишком опасной, и другие причины были. Но, конечно, ни ехидна, ни кукабарра тут ни при чём. Нет в ехидне никакого ехидства, и не виновата она, что её так называли. А крик кукабарры действительно похож на человеческий смех, только ни над кем она не смеётся, просто голос у неё такой. Но вообще-то, – неожиданно добавил дядя Костя, – Вася прав.

– Так прав или не прав? – растерялась я.

– Прав в том смысле, что насмешками кого хочешь довести можно.

И дядя Костя тоже загрустил. Так мы немножко посидели и погрустили вместе. А потом он сделал несколько глотков чаю, поискал на столе конфеты, не нашёл, улыбнулся и бодро спросил:

– Так! Кто там у нас ещё остался? Эму? Помнишь, Лёля, стишок из «Мохнатой азбуки»?

Я про страуса, про эму,
Написал бы вам поэму...

Я радостно подхватила:

– Но никак я не пойму...

И вместе мы закончили:

– Эму он или эму!

– Ага, – обрадовалась я. – Значит, не выгнали его из страусов?

– Хм, ну как тебе сказать... Никто его, разумеется, не выгонял. Но действительно учёные раньше относили эму к страусообразным, а потом передумали. Уже после того, как Борис Захондер это стихотворение написал. Теперь считается, что эму родственник казуаров, а не страусов.

– А кто такие казуары?

– Да тоже птицы нелетающие. Эх, – дядя Костя мечтательно вздохнул, – надо нам обязательно казуаров завести. Что же это за зоопарк такой – без казуаров?

А мне кажется, очень хороший у нас зоопарк. А уж директор наверняка самый лучший!

– Дядя Костя, а что же получается: стихотворение устарело?

– Нет, Лёлочка, хорошие стихи никогда не устаревают. Это ты запомни.

Тут я задумалась.

– Не понимаю... Если Вася никогда в Австралии не был, откуда ему столько известно? Ну, пусть присочинил, пусть перепутал... Но ведь он на самом деле очень много знает!

– Это верно. И сумчатых он тебе без ошибок назвал, и птиц австралийских. Если, конечно, утконоса не считать! Откуда знает, говоришь? Да от меня. Вечером, после закрытия зоопарка, я обход делаю. Как мимо Васи пойду, так он меня обязательно позовёт: «Константин Прометеевич! А расскажите мне ещё про Австралию!» Так что мы частенько вот здесь, в этом кабинете, вдвоём сидим, я говорю, он слушает.

– Ага, – кивнула я, – а потом он говорит, я слушаю.

– Ну и иногда я работаю за компьютером, а Вася смотрит телевизор. Осо-

бенно любит познавательные передачи про Австралию. Но и мультики ему нравятся.

– Вот откуда он про Винни-Пуха узнал! Дядя Костя, но раз он никогда не был в Австралии, а родился в зоопарке, зачем ему это всё нужно?

– Скучает он. Сильно. Да-да, никогда там не был, а скучает. Так бывает,

Лёля, – дядя Костя опять вздохнул и ещё раз добавил: – Так бывает.

Когда я шла домой, я мечтала о том, что немножко подрасту и съезжу с Васей в Австралию, пусть порадует. Да мне и самой интересно посмотреть на всех этих удивительных животных. И узнать, за что всё-таки эму выгнали из страусов.

214

Про Ниночку

О том, что у бабушки есть сестра, я, конечно, знала. Но почти никогда о ней не вспоминала. И ничего удивительного: я же её не видела. Вернее, видела, когда мне было года два, она тогда к нам приезжала, но я этого не помню.

Живёт она на Дальнем Востоке. Не знаю, где это, но ведь понятно – если он дальний, значит, далеко! Вот потому бабушкина сестра так редко у нас бывает. И вдруг бабушка сообщает новость:

– Ниночка прилетает!

А я как раз думала, чем бы заняться. Тут я села и стала рисовать картину «Ниночка прилетает». Многосерийную! А то мало ли на чём может прилететь эта незнакомая Ниночка! Так что сначала она у меня спустилась на зонтике, как Мэри Поппинс. Потом примчалась на метле, как Баба-яга. На следующем рисунке у неё был пропеллер, как у Карлсона, а ещё на одном – крылышки, как у феи.

Ниночка летела в голубом вертолёте, как волшебник из песенки, и в корзине, привязанной к огромному воздушному шару, как другой волшебник, Гудвин. Потом я посадила её на гуся, как Нильса, потом – в ракету, как космонавта. После этого я решила, что картина готова. Ну не рисовать же Ниночку в обычном самолёте? На нём она и так прилетит, без моей помощи.

Папа с интересом посмотрел на мои рисунки.

– А почему у тебя Ниночка выглядит как девочка? Ведь она же бабушкина сестра!

Почему? Да потому что Ниночка! А сказали бы, что она тётя Нина или бабушка Нина, я бы и нарисовала по-другому. И вообще, неизвестно, сколько ей лет. Я даже ни разу не задумывалась, старшая она сестра или младшая. Бабушка очень редко рассказывает про детство. Наверное, потому я и знаю про Ниночку так мало.

Конечно, бабушка разговаривает с родственниками по скайпу, но я же не сижу рядом. Когда она говорит: «Лёля, подойди, покажись», – я подбегаю, здороваюсь, машу им рукой и убегаю по своим делам.

Наконец бабушка, дедушка и папа поехали в аэропорт. Когда они вернулись и Ниночка вошла в квартиру, я смогла сказать только одно слово:

– Ой!

Бабушка и её сестра были очень по-разному одеты. Причёски у них тоже были совсем разные. И всё-таки... всё-таки я сразу поняла, что сёстры совершенно одинаковые!

Ниночка расцеловалась с мамой, а мне сказала: